
АРХИВЫ В КОНТУРАХ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗНАНИЯ

Аннотация

В статье рассматривается постмодернистская идея архивирования, которая родилась во времена, предшествовавшие персональному компьютеру, и с самого начала несла в себе знак истинного парадокса. Этот парадокс всегда колебался между невозможностью и технической осуществимостью архивирования. Сегодня весь вопрос о принципах архивирования вернулся полностью.

Автор считает, что ПК сделал архивирование возможным, эффективным и экономичным способом. Каждое знание стало теперь интегрируемым, но ПК удалил только трудности физической интеграции, однако не довел до конца случайность процесса интеграции. ПК даже узаконил идею о том, что техническая интеграция не обязательно должна идти вместе с концептуальной интеграцией. В результате архивирование развилось в сторону энциклопедизма случайности, в то время как великая энциклопедия XVIII века, несмотря на свою лексическую структуру, была интересна своей истинной интеграцией знаний. Здесь начинается осознание того факта, что философия (в значительной степени задуманная: вся философская дисциплина) до сих пор мало имела дело со знанием как знанием.

Архивирование также социализирует знания на пути бесчисленных индивидуально социализированных файлов знаний. Так возникшая категория социального становится, таким образом, не только новой категорией наших дней, но и новой категорией нового типа настоящего.

Ключевые слова: архив, мировая сеть, демократия, Борхес, Фуко, интеграция знаний, постмодернистская массовая культура, социализация знаний.

Автор

Эндре Кисс

Профессор истории философии
Университета имени Лоранда Этвёша (Будапешт),
профессор Еврейской интеллектуальной истории
Будапештского университета еврейских исследований
(Будапешт, Венгрия)

Возможность «архивировать» в *Worldnet*, создание «архивов» различных типов не вполне является тем, что могло бы шокировать в хорошем смысле слова внимательного читателя. Оценить это совершенно непросто. Здесь мы снова имеем дело с *радикальным революционным изменением*, которое измученное и интеллектуально уже не восприимчивое повседневное сознание вряд ли может адекватно осмыслить. Речь идет также о странном следе, оставленном новой современной демократией, ведь именно постоянное изменение взаимоотношений создает естественные препятствия на пути как адекватного

признания содержания, так и способностей, что было бы крайне необходимо для восприятия возможностей, необходимых современной демократии¹.

Процесс оказался слишком увлекательным для того чтобы набраться духу и с молниеносной скоростью подвергнуть общество постоянным радикальным изменениям. Не менее увлекательно и то, что не перестают запускаться новые технико-медиа-

---

¹ Здесь, очевидно, имеется в виду императивное развитие демократической компетентности для современной демократии, компоненты которой в большинстве своем носят интеллектуальный характер и поэтому неразрывно связаны со «знанием».

ные инновации по дифференциации. И в настоящее время не предвидится возникновения понятной социологии, которая бы объяснила нескончаемые дифференциационные процессы. Однако мы можем понять (даже если объективно ни при каких обстоятельствах это не подтверждается), что для многих реакция на непрекращающееся радикальное изменение культурного и социального капитала заключается в том, что различия между отдельными социальными группами, по-видимому, становятся все более значительными¹.

Основополагающую идею архивирования можно интерпретировать как одну из первых настоящих, неподдельных идей постмодернизма (даже если определение само по себе далеко не фиксировано). Это произошло на границе шестидесятых и семидесятых годов в то время, которое позднее, возможно, будет названо решающим. Все началось с *Борхеса* и *Фуко*, которые на самом деле стояли на плечах друг у друга и сделали друг друга одинаково и повсеместно известными, отказались от «архивирования» как понятия, однако использовали для этого *два совершенно разных философских подхода*. Интеллектуальное торжество вопросов о фундаментальных различиях вряд ли могло бы иметь место и в один момент стать характерным для интеллектуального развития в последней трети XX века. Впечатление всегда усиливается, если подходить с нескольких сторон: познавательного-социологического и идеологического анализ многих ведущих идей современности недостаточно глубок, еще остаются некоторые перво-степенные термины, значение которых слишком размыто и неясно.

Борхес оставил основную концепцию архивирования в некоторой степени неопределенности. Подобный

факт может быть интерпретирован, во-первых, как демонстрация крайней относительности какого-либо упорядочивания дискурса, то есть любого допустимого разделения знаний по областям, во-вторых, как демонстрация относительности, которую невозможно преодолеть какими-либо знаниями, в-третьих, как доказательство невозможности интегрированности знания, похожего на архивированное, но, с *другой стороны*, как доказательство того, что знание при необходимости может быть подверженным интеграции в своей основе (парадоксально), что можно привести примеры неинтегрируемого знания, выступающего как единое целое, еще до революции в вычислительной науке с помощью некоторых культурных методов. По другой, собирательной, версии, центром которой является сам *Борхес*, архивирование невозможно потому, что оно неизменно разрушает отдельные элементы знания в определенный момент времени, когда оно является неизменным.

Однако подобная невозможность прямо *порождает* необходимость и мотивацию архивирования. Из этого суждения *М. Фуко* выдвигает посредством *крайней степени упрощения* тезис о всеобщей и вечной произвольности знания, исходящей из заключения о различиях и политической власти, и впоследствии выстраивает на нем свою концепцию архивирования.

Полезным будет также отметить на данном этапе, что обе не согласованные между собой точки зрения появились еще *до триумфа ПК*, т.е. до периода создания электронной сети. Подобное означает, что нынешняя проблематика архивирования восходит к противоречивой истории сотворения, иными словами, к слишком *противоречивым мифам о сотворении*.

В то время как основная идея архивирования сохраняет на сегодняшний день свой относительный характер, электронное архивирование разрабатывается в том же контексте, что и

¹ Очевидно, наконец, что рассматривать каждый прогресс как фактор усиления социальных различий не является до конца адекватной реакцией.

любая безнадежно конструктивная и продуктивная отрасль. Персональный компьютер, несомненно, сделал более понятной основную проблематику архивирования, или просто сделал ее более гармоничной. В особенности это справедливо для Фуко, чья история науки¹ очень вольно опускает основополагающую научно-интеграционную науку XIX века (как, кстати, он совершенно игнорирует XIX век вообще, а также Маркса, Дарвина и Фрейда). Неслучайно, что ни истории идеологий, ни историзму, ни герменевтическим наукам о культуре и образовании не уделено должное внимание, что в основном означает, что Фуко не рассматривает их в качестве дисциплин, которые могли бы и сегодня внести свой вклад в материальную основу архивирования знаний.

Столь характерно, что постмодернистская идея архивирования родилась во времена, предшествовавшие ПК, и с самого начала была отмечена знаком истинного парадокса. *Этот парадокс всегда колебался между непреодолимой невозможностью и технической осуществимостью архивирования.* Таким образом, все вопросы о принципах архивирования остались практически полностью нерешенными.

Невозможное стало возможным совершенно не предусмотренным образом. Революция в информационных технологиях, принявшая свою до сих пор существующую форму в ПК, указала на путь их развития. Огромный *конструктивный* путь вперед, однако, не разрушил окончательно *все деконструктивные* элементы. ПК сделал архивирование возможным, эффективным и экономически оправданным, в то время как в области персональных ком-

пьютеров революционные достижения объяснялись через призму официально зафиксированной случайности.

Любое знание стало теперь интегрируемым, ПК исключил «лишь» все трудности, связанные с «физическим» обобщением, однако не ликвидировал полностью возможность вмешательства случайности в процесс интеграции и случайности самого процесса интеграции. ПК даже узаконил идею о том, что техническая интеграция не обязательно должна происходить вместе с концептуальной интеграцией. В результате архивирование переросло в *энциклопедизм случайности*, в то время как Большая энциклопедия XVIII века, несмотря на свою лексическую структуру, была интересна своей истинной интеграцией знаний.

Науку, даже новую науку о знаниях, можно заархивировать. Однако если мы намерены идти по этому пути, мы столкнемся с неожиданной трудностью: нам не удастся быстро дать комплексное и современное *определение знания.* В этот момент мы осознаем, что философия (в широком смысле — вся дисциплина о философском мышлении) до сих пор мало имела дело со *знанием как таковым.*

На сегодняшний день установлено, что в течение последовательно сменявшихся друг друга исторических периодов мы постоянно имели дело с конкретным типом знания и всегда молчаливо предполагали, что это конкретное знание идентично *обобщенному понятию «знания».* В этом кроется момент истины. Знания всегда считались правильными и правдивыми — общая проблематика знания фактически пропала из поля зрения теоретического, а значит, и практического интереса.

Глобальный проект архивирования дополнительно раскрывает все разногласия и противоречия, которые обычно возникают между медиатизацией и ее использованием, а также между системой и ее доступностью. Также при архивировании допускается следую-

¹ См.: Michel Foucault S. Die Ordnung der Dinge. Frankfurt am Main, 1999. (1-е изд. на франц. яз., 1966) — просто поразительно, с каким философским уважением научное сообщество принимает концепцию переписанной истории науки, намеренно обходя вниманием роковые события XIX века.

щее противоречие, которое заключается в том, что, *хотя технологически доступ является неограниченным, в интересах рыночной экономики он может быть сознательно ограничен.*

Еще одно противоречие заключается в том, что художественная литература, выложенная в сеть, является одновременно (все еще) персональной и (уже) функционально-безличной. В этих условиях становится все более проблематичной ситуация, когда автор намеревается, в том числе и на волнах новой медиатизации, сохранить традиционную авторскую роль. Не менее крупное противоречие заключается в том, что во время архивации знаний возникает беспрецедентно масштабный феномен «памяти», и эта способность вспоминать, до сих пор до конца не понятая, может быть полностью уничтожена¹.

Архивирование неизбежно ведет к *демократизации и социализации* любых знаний. Однако демократизация и социализация происходят независимо друг от друга и своеобразно. Тем самым подобные процессы напоминают о том, что сегодня повсеместно происходит в сфере так называемой *массовой культуры*. Получается, что, обладая современными средствами коммуникации, в условиях современных форм жизни и исходя из структуры современных культурных потребностей, каждый человек *индивидуально формирует свою массовую культуру*. Архивирование также демократизирует и социализирует знания на пути бесчисленных *индивидуальных* файлов знаний. Демократизация и социализация порождают новый монадный мир, в котором отдельно взятая монада сама по себе

потенциально может воссоздать всю совокупность знания. Подобным образом возникающая категория социального становится не только новой категорией нашего времени, но и *новой* категорией *нового типа* настоящего.

Однако это не последнее утопическое измерение в структуре архивов. Архивирование может, в частности, привести, с учетом его технических особенностей, к социализации знаний, по своей сути *независимых от власти*². Итак, вновь возникает старый вопрос. Возможно ли, что интерпретация понятия «знания», необходимая для его структурирования, снова попадает в категорию власти? *Архивирование порождает безвластную утопию в истории знания*. Такая возможность, однако, может беззвучно и бесшумно пройти незамеченной, если структурирующая интерпретация раскрывает себя в знании в той же мере, что и социальная сила. Таким образом, архивы могут быть преодолением силы в организации знания или — диалектически — быть обычным воспроизведением силы в этой функции. Так, архивы могут быть воплощением утопии безвластно организованного знания или — диалектически — новым воспроизведением интерпретирующей силы, распространяющей знание. Это применимо равно к потенциальной реализации знания и к потенциальному преодолению в той же форме.

Кроме того, вышесказанное можно отнести к странной нерегулярности, даже к разноплановости положения, при котором архивирование как утопия будто бы завершается, равно как и дискуссии о том, быть/не быть, о характере и природе общества знаний, которые еще не решены до конца.

¹ Впрочем, здесь следует отметить два важных момента. С одной стороны, беспрецедентный глобальный характер архивов лишь напоминает о беспрецедентных глобальных потребностях. С другой стороны, тот же самый архив является исправным, неповрежденным и просто технически безопасным в этих сложных условиях.

² Оставим в стороне историко-теоретическое измерение, как и в какой мере исключительно «власть» способствовала формированию существенных форм знания. Мы не разделяем радикальной концепции в этой проблематике, тем не менее не можем не рассматривать в данном случае теоретическую проблематику власти.

Звучит как совпадение, но как раз на рубеже 2005/2006 г. Б. Гейтс начинает новую кампанию по пересмотру природы знаний или общественных знаний. С оглядкой на усилия, прилагаемые постоянно в течение десятилетий, чтобы определить специфику общественной информации и знаний, внезапный теоретический энтузиазм Б. Гейтса сохраняет *бризантность*. Это происходит потому, что с точки зрения глобализации и общественных знаний (назовем только эти два наиболее важных примера) чисто теоретические и чисто практические интересы могут быть отделены друг от друга только ценой преодоления сложнейших трудностей. Главное преимущество глубокого теоретического понимания важно для всех, кто непосредственно вовлечен в процесс, причем не только для инициатора, но и для посредника понимания, так что определение информационного общества с самого начала является наиболее практически обусловленным¹. Таким образом, недавно усилившаяся критика со стороны Б. Гейтса не имеет четкости; критика, в которой он внезапно оглядывается назад, основывается на том, что выражения «информационное общество», «информационный век» и тому подобные не соответствуют характеру развития последних десятилетий. Он также сразу указывает на то, что информация является чем-то ограниченным, и, действительно, информация, в конце концов, — это всего лишь формулировка данных, фактов и базовых материальных знаний. В продолжение своей мысли Гейтс обращает внимание на то, что знание в каком-то смысле «глубже» информации. *Мы можем обозначить*

¹ Здесь речь идет о принципиально новом феномене, который теоретически в момент социализации информации и знаний уже осознавался как легко воспринимаемый с его частными преимуществами и также частными недостатками. Это, однако, означает, что посреднический путь теоретического осмысления стал чрезвычайно коротким в области практических интересов.

это в качестве символа человека эпохи Microsoft, ориентированного на немецкую метафизическую культуру. С точки зрения Гейтса нынешняя история успеха «информационной демократии» объясняется просто. Пока Гейтс делал доступ к информации доступным для всех, исторически важной задачей стала доступность знаний².

В этом месте те, кто лишь поверхностно знаком с концепцией Гейтса и имеет не самые хорошие намерения, могут подумать, что Гейтс ставил целью, в отличие от объективных причин, не путь к оптимизации знаний, а забрать к себе на высокую волну успеха команду Google. *Соответственно, это означало бы, что различие, столь существенное для понятия архивирования, между знаниями и информацией стало очевидным даже Б. Гейтсу довольно поздно.* Подобная персонализация, подобные совпадения в процессе развития политики знаний напоминают в первую очередь о недостающих акторах в этой области. Стало слишком ясно, что глобальные социальные возможности ни в коем случае нельзя оставлять на усмотрение рыночной экономики или ее привилегированных акторов. А потому изучаются новые грани взаимоотношений между «знанием» и «интересом».

Точное различие между понятием «знание» и «информация» является наиболее важной основой как для информационного общества, так и для общества, основанного на знаниях, а также в целом для проблемы архивирования. Непосредственно в архивировании, при сравнении продуктивного среднего курса и практического среднего курса, видны различия между информацией (как высказывания, относящегося к предмету позитивной реальности) и знаниями (как организованной и проверенной непрерывности информации или высказывания). В строгом смысле

² Мы опускаем здесь проблему налогов, установленных для определенных услуг.

этого слова архивная информация будет архивироваться, в более широком смысле процесс не совсем таков. Принципы архивирования содержат — если хотите, преднамеренно — принципы формирования и перераспределения знаний. С другой стороны — и бывшие главы архива являются для этого примерами — архивирование должно раскрываться как знание, а не как информация. И хотя каждое архивирование может оперировать конкретной реализацией глобального представления о знании, архивы становятся неизбежными объектами демонстрации того, что на самом деле означает знание. Архивирование символизирует процесс того, как, по понятным причинам, различные типы знаний начинают сливаться друг с другом. Они вступают во взаимный обмен друг с другом. Они растут, но растут вместе. Они развивают вертикальную структуру, но одновременно и наращают сложность. Существующие знания пребывают в постоянном состоянии сравнения друг с другом, индивид всегда должен иметь дело с константными окружающими предложениями о знании, через которые знание реализуется исключительно индивидуально, в форме знания для одного индивида.

Все это, однако, еще не затрагивает напрямую странную традиционную сторону знания и накопления знаний, которая ни с помощью компьютерной науки, ни со школьными представлениями о политике, с загнанными в угол государствами с огромными долгами, не является адекватной для поиска решения. Если настоящие законы накопления знания останутся в том виде, в котором они существуют сейчас, то их реальное развитие, однако, возможно только в том случае, *если все элементы будут «истинны» и будут рассматриваться как «жизнеспособные»*. Чем более сложные и разнообразные знания инкорпорированы друг в друга, тем сильнее вероятность того, что все

ложные и неадекватные знания будут признаны недействительными во всей своей полноте, что, очевидно, может увести весь процесс накопления знаний в неправильном направлении.

Именно к этому относится вся методологическая проблематика взаимотрансформации разнородных типов знаний. Как ни удивительно это может показаться на первый взгляд, взаимотрансформация различных типов знаний является преимущественно бессознательным, «молчаливым» процессом, который на практике также может функционировать весьма успешно, даже если «извне» его можно с трудом охарактеризовать теоретико-методологическими средствами¹. Несмотря на все эти трудности, нельзя, однако, ставить под сомнение, что упомянутая ранее истина, т.е. настоящая действительность различных модулей знаний, есть и остается непеременимым условием истины и ценности всех накопленных знаний. Итак, утверждение о том, что истинное знание не может быть заменено медиатизацией и медиальной трансформацией, является чистой правдой.

Острота «бессознательного», высшего накопления и интеграции знаний предполагает, что передача или способность передачи знания будет рассматриваться в рамках дискуссии, а не как совокупная медиатизация. В сущности, предлагается определять способность знания к передаче как основу формирования высших и более сложных форм знания.

Различие между «мертвыми» и «живыми», «старыми» и «новыми» знаниями навсегда останется оружием бережливых политиков школьного уровня из стран-должников. *Таким образом, истинная природа знания делает*

¹ Процесс имеет на практике «бессознательный» характер накопления знаний и синергетической компенсации отдельных элементов знаний, т.е. без нашего сознательного участия и рефлексии. Бессознательное знание — это просто увлекательный факт.

относительной любую релятивизацию понятия истинного знания. Истинное знание — это неограниченная интеграция и неосознанное добавление совместимых друг с другом элементов знания, и то наибольшее, на что способен всесильный «рынок», это устанавливать на протяжении нескольких лет, какие формы знания будут востребованы в будущем. В этом отношении мы считаем бывшего государственного и партийного лидера Н. Чаушеску истинным выразителем рыночной экономики, поскольку он уже в начале 1970-х гг. достаточно точно знал, какие формы знаний мирового рынка потребуются в ближайшем будущем, и управлял умами румынской молодежи в профессиональных школах токарей, металлургов и электриков. Однако вскоре после этого под влиянием трансформаций мирового рынка румынская экономика рухнула, что также означает, что рынок не смог предсказать совершенно точно, какие формы знаний, какие элементы и какая синергия модулей знаний являются действительно прогрессивными и перспективными для членов общества.

Классические трудности, возникающие в связи с релевантной и конку-

рентной склонностью к знаниям, могут быть устранены, в частности, через дальнейшие формы организации, а также через различные *сети* или разнообразные варианты тренингов по сплочению коллектива. Такие приемы также эффективны для обеспечения качественного накопления знаний. Если мы рассмотрим подобную положительную разницу немного ближе, то поймем, что постепенное повышение производительности происходит в меньшей степени за счет увеличения положительного потенциала знаний команды, а в большей степени *за счет лучшей дифференциации внутреннего трудового порога участников.* В прямом смысле роста производительности не будет, потому что сеть «знает больше», чем участники процесса. Сеть способна системно находить не обнаруженные ошибки, предлагать множество проблем для последующих консультаций и т.д. Сеть лучше исправляет ошибки и эффективнее находит решение проблем, чем человек.

Кроме того, даже целая команда людей не сможет совершить чуда. Знание не может быть заменено или уменьшено. Помочь могут только ПК и архивы...

Перевод статьи с английского осуществила выпускница филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Мария Шадская

